

Ирина МУХИНА

РОЖДЕНИЕ СТАЛИНОЧКИ

Рассказ

Николай переступал с ноги на ногу, хлопал в ладоши, тер уши, но все равно мерз страшно: ни старые валенки, ни потертый полушубок не спасали от декабрьского мороза. Окна на втором этаже деревянного дома, переделанного в родильное отделение больницы, были ярко освещены. Жена Николая, Рая, рожала уже десятый час. Будущий папа весь извелся. Николай несколько раз заходил домой, чтобы немного согреться, но не выдерживал и бежал обратно нести вахту под окнами больницы. Мрачная женщина-вахтер у входа не пускала Колю даже на порог.

— Вишь, вздумал. Все мужья сидят себе по домам. Утром приходи. — На все просьбы пойти узнать, как Рая, только плевалась. — Все рожают, и твоя родит. У нас доктор хорошие. А я чё тебе, дверь тут без охраны оставлю и твою Райку искать пойду? Да ей не до тебя небось. Видывали таких, кобелей. Детей наделают, а потом продуху всем не дают. А если роженицу привезут? Ей на морозе рожать, что ли?

— Да я посторожу, дверь открою, если кто придет.

— Знаю я вас. Сопрешь тут у меня чего. Иди лучше.

Приходилось прыгать под окнами. Николай взглянул на часы: первый час ночи. Решил еще раз быстренько сбегать домой, погреться. Пока бежал темными улицами, мечтал о каше, которую Рая оставила в печке. Вошел в сени, зажег лампочку. Тусклый свет осветил скупо обставленную избу. Без Раи было не по себе. Коля достал из остывшей печки горшок с кашей, поел. Разжег самовар, заварил чая. Глаза слипались...

Проснулся, как от толчка. За окном слабые лучи солнца пробивались сквозь зимнее ватное небо. Коля вскочил, набросил тулуп, схватил шапку и рукавицы и побежал в больницу.

На входе дежурила уже другая женщина, Марья Ивановна, соседка Волиных. Она не только пустила Колю, но и спросила у мимо проходящей санитарки, как там Раиса.

— Родила уже, все хорошо, обе живы. Дочка. — Коля заплакал.

— Да что плачешь, папочка? — спросила Марья Ивановна. — Всем бы таких мужей, — вздохнула. — Ну ладно, ты тут посиди, пойду погляжу на твою, привет передам. — Марья Ивановна, грузно переваливаясь на кривых ногах, пошла вверх по лестнице.

Ирина Анатольевна Мухина родилась в 1973 году в Москве. Окончила Художественное училище имени 1905 года по специальности «художник-оформитель», Институт имени Гёте, Московский государственный лингвистический университет по специальности «специалист в межкультурной коммуникации. Переводчик. Преподаватель. Лингвист. Немецкие и английские языки». Публиковалась в литературном сборнике «Весна Анфисы» (М.: Литературный институт имени А. М. Горького).

Через десять минут вернулась: — Все хорошо, спят они. А дочка дюже на тебя похожа: и глазки, и губки такие же. Сразу признать, чья такая. — Слезы опять навернулись на глаза Коли...

Пока жена с дочкой лежали в больнице, Коля бегал по базарам, покупал Рае мясную вырезку и творог, как велел врач. Варил борщ, вареники, бегал с дымящимися кастрюльками в больницу. Сам сделал люльку, а Марья Ивановна отдала детское одеяльце. Через недельку врачи выписали Раечку с дочкой. Соседка обещалась заглядывать, подсобить чем молодой мамочке: а та слабенькая еще была, а ребенок кричал и день и ночь. После работы Коля бежал сразу домой, дюже за жену и дочку переживал. А как оклемалась малек Раечка, так выправили свидетельство о рождении. Дочку Сталиной назвали. Дата рождения: 23 декабря 1937 года.

— Сталина Николаевна — красиво, правда? — хвастался Коля.

Товарищи по исполкому согласно кивали.

— Как же, правильно назвал, так и надо.

Тяжелое время было. Партийные собрания затягивались. Каждый раз все дольше и дольше. То одного товарища прорабатывают, то другого, то заговор раскроют. А Коля как на иголках: домой пора. И отпрашивался уже сколько раз, а что делать? Дома малыш, плачет все время. Надо дров принести, печку топить, у жены грудница — не может сама, ей бы выздоравливать спокойно и младенчика выкормить. Хорошо, что Марья Ивановна помогает, а то совсем тяжело было бы.

Незаметно для Коли пролетела зима. Днем работа, поесть некогда. А как до дому добежишь, то домашние дела наваливаются. Ночью ребенок кричал, надо укачивать, дать жене поспать. От недосыпа Коля похудел, глаза ввалились. Вася и Саша, коллеги Коли, сидящие напротив него, понимающе переглядывались. У самих по двое детей. Брала на себя тяжелые инспекции, а Коле оставляли отчеты составлять, благо что писал без ошибок. Но все равно, зима тяжкая выдалась. Свинцовые зимние ночи сменялись короткими днями. Сядешь, напишешь нужную бумагу, а уже ночь. И бесконечный снег за окном, а то и вьюга, с ног сбивает. А дочка дома кричит, Рая еле ходит, за стенку держится. Наконец наступил февраль, потом долгожданный март. Дни стали длиннее, ночи короче. У дочки перестал болеть животик, Раечка поправляться стала, уже и легче.

Очередным весенним утром Коля открыл глаза. Будильник, купленный по случаю, уже не врезался в мозг, как ржавый гвоздь, а звенел трелью. Коля вылез из-под одеяла, заботливо подоткнул его под бок Раечки, поцеловал дочку, спящую под грудью мамы. Пошел в сени, умылся ледяной водой. Затопил печку, засыпал углей в самоварную трубу. Пока грелся самовар, оделся, присел пару раз с гантелями, отжался. Заправил брюки галифе в сапоги, пошел на работу.

В здании исполкома стоял тревожный гул.

— Что такое? — спросил Коля у Ивана Сергеевича, старого коммуниста.

— Твоих соседей по кабинету арестовали.

— Как арестовали?

— Антипартийный заговор.

— Да я их знаю. Они убежденные коммунисты. Какой антипартийный заговор?

Иван Сергеевич наклонился к нему.

— Ты тихо. Тебя не взяли, потому что ты сразу после работы домой к жене и новорожденной убежал. А твои коллеги после партийных собраний еще долго на работе были, чай пили: заговор плели, оказывается. Наши доблестные чекисты их раскрыли. Так-то.

Коля ошарашенно проводил его глазами.

— Как так-то? Это Вася, Женя и Саша плели заговор? Мои родные, дорогие товарищи. Кто меня всю эту мучительную зиму прикрывал и помогал? Они допоздна сидели, потому что выполняли задания партийных собраний. И за него работали, когда я домой раньше их уходил. И защищали меня всегда. Какой же заговор? Нет, это ошибка. Они настоящие, верные друзья, мы вместе огонь и воду прошли. Такого просто не может быть.

Николай поправил волосы, отдернул потрепанную гимнастерку. Побежал к начальству. Кабинет Олега Ивановича, начальника исполкома, находился на третьем этаже. Пока добежал, уже составил в голове речь, что скажет в их защиту. К счастью, секретаря Олега Ивановича, крупной женщины сорока лет, не было на месте. Коля постучал.

— Войдите. — Коля открыл дверь.

— А, ты, — протянул Олег Иванович. Коля начал было приготовленную речь про своих арестованных товарищей, но Олег Иванович его прервал: — Николай Григорьевич Волин, подождите. Давайте так. Что вы сейчас мне сказали, я не слышал. — Коля замолчал.

— Вы отсутствовали на многих партийных собраниях. И наверно, не поняли, насколько серьезна сегодняшняя ситуация. Вы, вообще-то говоря, Родину любите?

— Родину? — растерянно переспросил Коля.

Но Олег Иванович продолжал не останавливаясь:

— Враги Советского Союза оказались даже у нас, в исполкоме, в сердце советского общества. Вы сидели в одном кабинете с предателями, и как партийный работник вы должны были догадаться и донести куда следует. Сегодня на партийном собрании я доложу о ситуации.

Олег Иванович подошел вплотную к Коле и уже шепотом сказал:

— Вы зайдите в отдел кадров и напишите заявление об увольнении по семейным обстоятельствам. Напишите, что ваша жена больна. Что вам надо ехать на юг по советам докторов. Или что угодно. Вы же понимаете, что сегодня-завтра придут за вами?

Коля вышел из кабинета на ватных ногах. Вся его жизнь в одно мгновение полетела под откос. Перед глазами стояли лица Василия и Александра. Коля ни на секунду не сомневался в невинности своих друзей, как и не сомневался в том, что ему дали лишь небольшую отсрочку и скоро придут за ним. Все намеки, которые он слышал этой страшной зимой, все тревожные слухи об арестах коммунистов, о «Золотой горе», куда везли арестованных, сложились за минуту в одну общую картину.

Коля зашел в кадры, написал заявление. К его удивлению, трудовую книжку ему отдали тут же, не задав ни одного вопроса.

Коля не помнил, как дошел домой, что говорил Рае. Не помнил, как ходил по проселочной дороге вдоль дома, как хотел наложить на себя руки. Также совершенно стерлись из памяти поспешные сборы и отъезд. Собрали два чемодана с самыми необходимыми вещами, остальное отдали Марье Ивановне. Ехали на перекладных, на прямые поезда садиться боялись. К концу четвертого дня добрались до Коврова.

Коля устроился на фабрику простым рабочим, Рая занялась хозяйством.

Через десять лет, уже после окончания войны, Рая написала письмо Марье Ивановне. Через месяц пришел ответ от ее дочери. Добрейшая женщина умерла от воспаления легких во время войны. А в избу, где они жили, на следующую ночь после их поспешного отъезда приезжали чекисты.